

Алена Яворская

## «Чудо в пустыне серебряных труб»

1914 год, столь суровый для Европы, стал и годом рождения одесской литературной школы.

Началось все с объявления Петра Пильского 9 июня 1914 года в газете «Маленькие одесские новости». «Прошу молодых поэтов собраться в литературном клубе сегодня, в 9 час. вечера». Лучшие из молодых поэтов были отобраны для выступления перед публикой. И что же? «Публика не ожидала, что в Одессе действительно есть талантливые поэты, а поэты не ожидали, что в Одессе найдется чуткая хорошая публика! Однако нашлись и те, и другие», – с восторгом сообщала «Южная мысль». «Маленькие одесские новости» особо отмечали: «Главная заслуга вечера в том, что он показал одесской публике двух молодых, еще нигде не печатавшихся, но, безусловно имеющих право на внимание публики поэтов – гг. Багрицкого и Фиолетова».

Две самые яркие звезды поэтического небосклона Одессы, два близких друга, разыгравшие чуть ли не в орлянку цвета для псевдонимов – Эдуард Дзюбин и Натан Шор – Эдуард Багрицкий



и Анатолий Фиолетов. Сводная сестра Фиолетова, Эльза Рапорт, вспоминала: «Я родилась в Одессе. Мать рано овдовела, и от первого брака у нее остались два мальчика – мои сводные братья. Старший – поэт, взявший псевдоним Анатолий Фиолетов. Он был очень нежный и тихий мальчик. ... Лучшим другом Анатолия был поэт Эдуард Багрицкий, он дневал и ночевал у нас в доме. Приходили Олеша, Катаев, Ильф. У нас в доме существовала легенда, что когда Багрицкий и Фиолетов показывали свои стихи Мандельштаму, ему больше понравились стихи Анатолия».

Указывая, что Багрицкий и Фиолетов «нигде не печатались», газета ошиблась – Эдуард Багрицкий, он же Эдуард Дзюбин, к тому времени уже публиковал свои стихи.

В малотиражном альманахе «Аккорды», первый номер которого вышел в 1913 году, рядом с известными одесскими поэтами Александром Биском, Яго (Яковом Гольденбергом) и Изой Кремер есть стихи Эдуарда Д. «Розы» и Desi «Мечты», а во втором номере, появившемся год спустя, – «Лунные цветы» Desi, «Поэт» Эдуарда Дзюбина и критический очерк о Брюсове, подписанный «Э. Д.».

## Поэт

Ты родился в сверкающий день...  
Солнце ярким шаром огневело,  
Только в нишах суровая тень,  
Как преступник, сжимаясь, темнела...  
В твоё тело вонзило лучи,  
Точно иглы, могучее солнце, –  
Как порывы любви горячи,  
Они тихо проникли в оконце...  
Над кроваткою нежно склоняясь,  
Солнце дивные сказки шептало...  
Даль горела, в лучах золотясь,  
Даль рубинами ярко сверкала...  
Солнце пело о дивных мирах,  
О сплетеньях планет златоцветных,  
О воздушных лазурных морях,

Об улыбках, призывно-ответных.  
И ты вырос среди многих один  
С светлым духом, с сияньем во взоре...  
Ты – титана горящего сын,  
Твое сердце – безбрежное море...  
Ты напевы о солнце слагал, –  
Песни страсти волшебные клики...  
И титана горящий металл  
В твои очи отбрасывал блики...  
Ты о море бушующем пел,  
Пел приливы его и отливы,  
И твой голос, как арфа, звенел,  
В нем на диво звучали извивы...  
И лазурные воды сплелись,  
Светозарный шатер образуя...  
В нем опалы огнями зажглись,  
И в него ты вошел, торжествуя...  
Твой же дух стал лучом золотым,  
Стал лучом пламозарного Феба,  
Вдохом ветра, огнем неземным,  
Тихой сказкой лазурного неба...

Впрочем, ошибка простительна. Если бы молодой поэт прочел свои ранние стихи – был бы с позором освистан. Но в чудом сохранившейся программке вечера указано: «Эдуард Багрицкий – «Летучий голландец» и «Дионис».

В «Алмазном венце» Валентин Катаев вспоминал о впечатлении от «Диониса»:

«Его стихи казались мне недостижимо прекрасными, а сам он гением.

– Там, где выступ холодный и серый водопадом свергается вниз, я кричу у безмолвной пещеры: Дионис! Дионис! Дионис! – декламировал он на бис свое коронное стихотворение...

– Утомясь после долгой охоты, запылив свой пурпурный наряд, ты ушел в бирюзовые гроты выжимать золотой виноград.

Эти стихи были одновременно и безвкусны, и необъяснимо прекрасны.



Дом, где родился Э. Багрицкий. Базарная, 40

Казалось, птицелов (Багрицкий. – А. Я.) сейчас захлебнется от вдохновения. Он выглядел силачом, атлетом. Впоследствии я узнал, что с детства он страдает бронхиальной астмой, и вся его как бы гладиаторская внешность – не что иное, как не без труда давшаяся поза.

Даже небольшой шрам на его мускулисто напряженной щеке – след детского пореза осколком оконного стекла – воспринимался как зарубцевавшаяся рана от удара пиратской шпаги.

Откуда он выкопал Диониса, его пурпурный наряд, запылившийся во время охоты? Откуда взялись какие-то бирюзовые гроты и выступ, мало того, что холодный и серый, но еще и «водопадом свергающийся вниз»?

Необъяснимо.

<...>

Наш гид произнес:

– Синьоры, внимание. Перед вами гротто Дионисо, грот Диониса.

...в тот же миг восстановилась ассоциативная связь. Молния озарила сознание. Да, конечно, передо мной была не трещина, не щель, а вход в пещеру – в грот Диониса. Я услышал задыхающийся астматический голос молодого птицелова – гимназиста, вызывающего из балаганной дневной полутьмы летнего театра к античному богу:

«Дионис! Дионис! Дионис!»

«Там, где выступ холодный и серый водопад свергает-ся вниз, я кричу у безмолвной пещеры: Дионис, Дионис, Дионис!»

Теперь он был передо мной наяву, этот серый гладкий каменный водопад со входом в грот Диониса, откуда слышался тонкий запах выжатого винограда.

– Здесь, синьоры, – сказал гид в клетчатом летнем костюме, с нафабранными усами, – бог Дионис впервые выжал виноград и научил людей делать вино.

Ну да!

«Ты ушел в бирюзовые гроты выжимать золотой виноград».

Я не удивился, если бы вдруг тут сию минуту увидел опыленный пурпуровый плащ выходящего из каменной щели кудрявого бога в венке из виноградных листьев, с убитой серной на плече, с колчаном и луком за спиной, с кубком молодого вина в руке – прекрасного и слегка во хмелю, как сама поэзия, которая его породила.

Но каким образом мог мальчик с Ремесленной улицы, никогда не уезжавший из родного города, проводивший большую часть своего времени на антресолях, куда надо было подниматься из кухни по крашеной деревянной лесенке и где он, изнемогая от приступов астматического кашля, в рубашке и кальсонах,



Дом, где жил Э. Багрицкий. Дальницкая, 3

# «Ольжастовская Бухма»

иллюстрированное издание  
1934

## Потомство



Инициатор сборника  
**Б. В. Народин**  
и его удивительный мурда,  
а также два кинжала и  
пачка.



Поэт **А. Гольденберг**  
(*Илья*).

...И при сердитом поэте  
Гольденберге для салютной трубы  
Годен для употребления.  
Народинъ изъ штенга.



Главный поэт сборника  
**Эдуард Валяцкий (Эдуард)**.

Инициатор книги величайший:

- 1) Я. Бушневъ 2) Максим Толстое
- 3) Леонид де Ливъ 4) Вадимъ,
- 5) Мамъ Видно Будетъ.

Сарага - обложка будущей книги описана поэтом.



Поэт **Король**,

судя по юности  
представитель.

Страдающий ради величия  
могил на почве ружейной  
материальности и окаянства.  
Свояго - лавровый  
квасъ вливалъ.



Известный поэт **Илья Голубович**,  
отмечавшийся недвусмысленной прет-  
кстностью при удивительном мурда-  
завде. С правой стороны - сватка.  
Лаура - Розина. (Б. Фришман, 46)



Шарж С. Кесельмана на альманах «Серебряные трубы»



ГОДЕ  
НАГО



Маленький поэт Саргис  
Эдуард Багрицкий (Эдуард).

Инициалы под псевдонимом:

- 1) Я. Грушилев
- 2) Масквил Тоилье
- 3) Леконт де Лиле
- 4) Бодлар
- 5) мамм видео Будейт.

Справа - обложка будущей книги стихов поэта.

Поэ



Фрагмент шаржа с пародией на Багрицкого

скрестив по-турецки ноги, сидел на засаленной перине и, наклонив лохматую нечесаную голову, запоем читал Стивенсона, Эдгара По или любимый им рассказ Лескова «Шер-Амур», не говоря уж о Бодлере, Верлене, Артуре Рембо, Леконте де Лиле, Эредиа и всех наших символистов, а потом акмеистов и футуристов, о которых я тогда еще не имел ни малейшего представления, – как он мог с такой точностью вообразить себе грот Диониса? Что это было: телепатия? ясновидение? Или о гроте Диониса рассказал ему какой-нибудь моряк торгового флота, совершавший рейсы Одесса – Сиракузы?



Шарж на Э. Багрицкого работы Кукрыниксов

Не знаю. И никогда не узнаю, потому что птицелова давно нет на свете. Он первый из нас, левантинцев, ушел в ту страну, откуда нет возврата, нет возврата...»

Катаев вспоминает и об одесских альманахах: «Птицелов принадлежал к той элите местных поэтов, которая была для меня недоступна. Это были поэты более старшего возраста, в большинстве своем декаденты и символисты. На деньги богатого молодого человека – сына банкира, мецената и дилетанта – для этой элиты выпускались альманахи квадратного формата, на глянцевой

бумаге, с шикарными названиями «Шелковые фонари», «Серебряные трубы», «Авто в облаках» и прочее в этом роде».

История пяти альманахов, с которых начинают отсчет существования юго-западной литературной школы, и биографии их участников подробно описана в статье С.З. Лущика «Чудо в пустыне. Одесские альманахи 1914-1917 годов».

В первом альманахе «Шелковые фонари» (1914) Багрицкий не участвовал. Его стихи, как и стихи Анатолия Фиолетова, появляются в «Серебряных трубах» (1915). Альманах открывается стихами Багрицкого: «Креолка», «Пристань» («Встает зеленый пар над синевою зыбкой...»), «Дионис», «Газелла» («Как хорошо курить гашиш...»), «В пути» («Уже двенадцать дней не видно берегов...»), «Конец Летучего голландца», «Газелла» («В твоём алькове спят мечты...»), «Рудокоп».

Меценат, которого упоминает Катаев, – поэт Петр Сторицын. Злые языки утверждали, что Багрицкий писал стихи и за него.

Обиженный участник первого альманаха Семен Кесельман, которого в «Серебряные трубы» не пригласили, пишет злую па-



родию «Оловянные дудки» – иллюстрированное издание для потомства», в которой достается всем, начиная со Сторицына. О Багрицком: «Главный поэт сборника Эдуард Багрицкий (Дзюбин). Пишущий под псевдонимами: 1) Н. Гумилев, 2) Теофиль Готье, 3) Леконт де Лиль, 4) Бодлер, 5) Там видно будет. Справа – обложка будущей книги стихов поэта. [Надпись на обложке]: Фруктовые воды фабрики Дувардж [оглу]».

Критика была более благосклонна: «...Сборник производит очень симпатичное впечатление. Люди работают, стремятся проявить себя и доходят до несомненно хороших достижений. Правда, Игорь Северянин не остался без влияния на кое-кого из наших местных поэтов, но, тем не менее, в сборнике много талантливое, искреннее, а главное, стилистически законченного и интересного. Петр Сторицын, Багрицкий, Фиолетов, Цагарели, Дальгонин, Бобович, Галицкий – все они дали хорошие образцы их поэтического творчества. Появление таких сборников, как «Серебряные трубы», можно только приветствовать». (Южный музыкальный вестник. – Одесса, 1915, № 7).

Что ж, Сторицын писал:

Мы знали все – нас встретят грубо,  
Но все ж, сметая с улиц сплин,  
Поют «Серебряные трубы»  
За палевым стеклом витрин.

Осенью того же 1915 выходит следующий альманах, «Авто в облаках». Если к «Серебряным трубам» Сандро Фазини сделал обложку скорее в стиле мирискусников, то в «Авто» она нарочито авангардная. Альманах вновь открывает Багрицкий: «Суворов», «Перед отъездом» («Скучный поэт и любитель серых соловьев...»), «О кобольде», «Нарушение гармонии», «Гимн Маяковскому». В этом альманахе впервые появляется поэтесса – Нина Воскресенская. Она словно отвечает на стихи Багрицкого «Перед отъездом» своими – «О любителе соловьев», ее же «Дерибасовская ночью» и «Порт» («По липким рельсам ползут паровозы...»). В стихотворении «Перед отъездом» упоминается Анатолий Фиолетов:

Придет Анатолий Васильевич или нет,  
Придет ли проститься с поэтом, на войну уезжающим.

Отзывы критики об альманахе полярные.

В статье с говорящим названием «Бурлючата в облаках» Бор. Искров пишет: «Та же группа поэтов на днях издала странно-сумбурную книгу «Авто в облаках», стало как-то неловко и больно. Надоела, видать, безыскусная жизнь молодым поэтам. Столицей запахло <...> Бурлюками и Маяковскими с их бездарной крикливостью и крикливой бездарностью. И одесское авто в облаках – это своего рода *chef d'oeuvre* безвкусицы и дурного тона... Г. Багрицкий дал одну более или менее сносную вещь («Суворов»), в которой есть и чувство стиля, и изящество. Остальное слабо. Ничего утешительного в стихах г. Фиолетова, Сторицына, Воскресенской» (Южный вестник. – № 1, 10 окт. 1915).

Еще более резкий отзыв Эмара «Одесский футуризм» в следующем номере той же газеты. Он упорно перевирает фамилию Багрицкого: «Почетное место в сборнике отведено Эдуарду Быстрицкому, поэту, «изнеженному на пуховиках столетий», «ищущему забвения в математике и истории» и «ненавидящему современность». Ища забвения в математике, поэт Быстрицкий в одно небольшое стихотворение умудряется втиснуть чуть ли не всю геометрию. Тут и «треугольник, впившийся в очерченный квадрат», и «угол, в окружность заключенный», и «изумрудные квадраты», и площадь под землемерною трубою» Есть даже геодезический прибор, медный отвес и циркуль (стихотворение «Нарушение гармонии». – А. Я.)».

В стихотворении «Перед отъездом» поэт Быстрицкий восклицает:

Женщина, зачем ты смотришь в тусклое окно,  
Я – поэт, я – поэт, я – поэт, понимаешь ты?

Упрямство, с которым автор кричит: «Я – поэт, я – поэт, я – поэт», заставляет нас думать, что женщина, смотрящая в тусклое око, этому не верит. И мы этому не верим.

<...>

Единственная «поэтесса» сборника – Нина Воскресенская  
Она поет:

Радуйтесь, сутенеры; трубы, дома подымайте:  
И у Дерibasовской есть своя поэтесса.

Напрасно собирающаяся радовать сутенеров Нина Воскресенская сузила свое амплуа: в ее лице и у Николаевского бульвара есть своя поэтесса. В стихотворении «Дерibasовская ночью» есть такой перл:

И памятник Пушкина, засунувши в рот папиросу,  
Просит у фонаря: «Позвольте закурить».

А кто из одесситов не знает, что памятник Пушкина (ПУШКИНУ?) на Николаевском бульваре?! Бедный Пушкин, бедная Нина Воскресенская! Если бы она не захотела сделаться поэтессой, из нее вышла бы хорошая хозяйка.

Месяц повис, как оранжевая сосиска...  
На луне пятна, как на ноздреватом голландском сыре...

Прямо-таки кулинарное ... искусство».  
Другого мнения придерживается иногородний рецензент И. Поплавский:

«Помимо отдельных удачных мест попадают в книгу и целые стихотворения, на которых внимание останавливается не без чувства эстетического удовольствия. Так поэтесса Нина Воскресенская вложила много свежей женственности в стихотворение, озаглавленное «О любителе соловьев» (Саратовский вестник. – № 220, 13 окт. 1915).

И лишь немногим посвященным было известно, что Нина Воскресенская и Эдуард Багрицкий – одно лицо. Очевидно, одесситы хотели подражать не только Маяковскому с его «Облаком в штанах», но и Волошину – с Черубиной де Габриак.

Столичная пресса одесских поэтов решительно осуждает, особливо прохаживаясь по Багрицкому:

«Футуристы решительно устремляются в облака.  
После облака в штанах – авто в облаках. По-видимому, на земле им плохо живется.

От хорошей жизни не полетишь <...>

В тексте <...> облаками даже не пахнет <...>

Заиграй, поиграй, граммофон, из «Травиаты» арию...

Мамаша, дай чаю со сливками мне!

Что не слышишь, со сливками... Вещи старые...

(из стихотворения «Перед отъездом». – А. Я.).

Речь идет о мамаше г. Эдуарда Багрицкого», – из отзыва «Синего журнала» № 46 за 14 ноября 1915.

Примерно в том же тоне, не называя фамилии автора, пишут и петроградские «Биржевые ведомости» 13 октября 1915:

«Некоторые еще раскланиваются перед Маяковским, поют славу этого зубра в блестящем цилиндре («Гимн Маяковскому». – А. Я.) <...> некоторые еще с телячьей бессознательностью лепечут о своем неистовом восторге, вызванном войною («Я не знаю, почему мне так радостно от этих слов, Почему я весь день склоняю: Война, войне, войною...») – из стихотворения «Перед отъездом». – А. Я.).

В 1916 выходит следующий альманах, «Седьмое покрывало», вновь с обложкой работы Фазини. В нем стихи Багрицкого «О Полдень, ты идешь в мучительной тоске...», «О кофе сладостный и ты, миндаль сухой!», «Я отыскал сокровища на дне», «Движением несмелым...», «Мудрец, занявшийся великим мастерством...», «Заботливый ключарь угрюмой старины...».

В них – ни намек на недавнее увлечение футуризмом. Может, поэтому Марк Слоним в рецензии «Седьмое покрывало» одесских поэтов» замечает:

«И критика – местная и иногородняя – и публика встретили, в общем, предыдущие сборники недружелюбно <...> молодых одесских поэтов почему-то причислили к футуристам <...>. Это, конечно, явная ошибка. Я не нахожу ничего футуристического ни у Багрицкого, ни у Фиолетова, ни у Сторицына <...> пишут они стихи так же, как и десятки других средних поэтов <...>.



Гравированный портрет Э. Багрицкого

<...> Больше других мне понравились небольшие стихотворения Эд. Багрицкого. У него замечается работа над стихом, стремление к сжатости, четкому рисунку и лаконической глубине. Несомненная талантливость соединяется у него с тем, что называют «культурой стиха». Багрицкий еще далеко не определился, и несомнительность его вскрыть тотчас очень легко. Его «О кофе сладостный» и «Бог шашечной игры» показывают влияние Мандельштама («спортивные» стихи). Сильно напоминает Бунина первое стихотворение «О, полдень, ты идешь

<...>»). Стих Багрицкого однообразен в размерах, и очень часто у него зародыши, задатки, а не достижения. Но важно, что зародыши есть, что можно ожидать развития поэтического дарования. <...>

Самое ценное в «Седьмом покрывале», что трое из его участников, Багрицкий, Фиолетов и Горностаев, обладают некоторым талантом. Но даже и они – еще не определились. (Одесский листок. – 1916, 4 сентября).

Одесская публика, не обращая внимания на критику, по-прежнему привечает своих поэтов:

«Седьмой вечер «молодых поэтов» состоялся 26 апреля. Авторами были прочитаны свои произведения.

Э. Багрицкий – «Дионис», «В пути», «Рудокоп».

И. Бобович – «Гомер», «Филоктет», «Искатели жемчуга».

А. Горностаев – «Вчера рояль стоял не замкнут», «Глубоким утром», «Сыр-Бор».

В. Инбер – «Рай», «Небо стало меньше и уютней».

С. Кесельман – «Рыбачья песня», «Праздник», «Андерсен».

П. Сторицын – «Успокоение», «О Польше», «Из цикла «Памятники».  
А. Фиолетов – «Щелкунчик и мышинный князь», «Художник и лошадь».

Вступительное слово о современной поэзии произнес Г.О. Гершенкройн. Этот вечер посетил проездом через Одессу поэт И.А. Бунин», – из отчета правления Литературно-артистического клуба за 1916.

Надо отметить, что только Семен Кесельман и Вера Инбер не участвовали в альманахах, а Багрицкий, Анатолий Фиолетов, Исидор Бобович и Петр Сторицын читали стихи, ранее там опубликованные.

Со стихотворением «Искатели жемчуга» связана забавная ошибка. Александр Биск, автор воспоминаний о Литературно-артистическом обществе, писал: «Самым талантливым мы считали Багрицкого, мы все увлекались его первыми стихами, в них было много силы, и красок, и бесшабашной удали.

Табака контрабандного тюки  
В переполненный трюм погрузив,  
Мы на палубе старой фелуки  
Отплываем в Персидский залив.

Стихи немного несуразные: нельзя погрузить что-либо в переполненный трюм. Ударение тюки – одесское, надо сказать тюки: тем не менее, в этих сочных стихах уже чувствовался большой поэт».

И все воспринимали цитату как одно из не дошедших в полном объеме ранних стихотворений Багрицкого. В действительности автор этих строк не стал не только большим, а даже и малым поэтом. Исидор Бобович в начале двадцатых бросил писать стихи и почти всю жизнь работал бухгалтером. А стихотворение было опубликовано в альманахе «Серебряные трубы»:

Упоительный берег покинув,  
Где, как птица на зыби шелков,  
Лишь белеют шатры бедуинов  
Средь гонимых самумом песков,

Табаку контрабандного тюки  
В переполненный трюм погрузив,  
Мы на палубе старой фелуки  
Отплываем в Персидский залив.

И на мелях, с покорностью бычьей,  
Где свиваются гады в звено,  
Мы ныряем за ценной добычей  
В час отлива на зыбкое дно. <...>

Возможно, Биска ввело в заблуждении упоминание о контрабандном табаке, вызвавшее ассоциацию с более поздними «Контрабандистами» Багрицкого.

Последний альманах, «Чудо в пустыне», вышел в 1917. Новых стихов Багрицкого в нем не было, перепечатали стихи из предыдущих альманахов: «О Полдень...», «Заботливый ключарь...», «О кофе сладостный...», «Газелла» («Как хорошо курить гашиш...»), «Движением несмелым...», «Я отыскал сокровища на дне...», «Перед отъездом...», «Гимн Маяковскому».

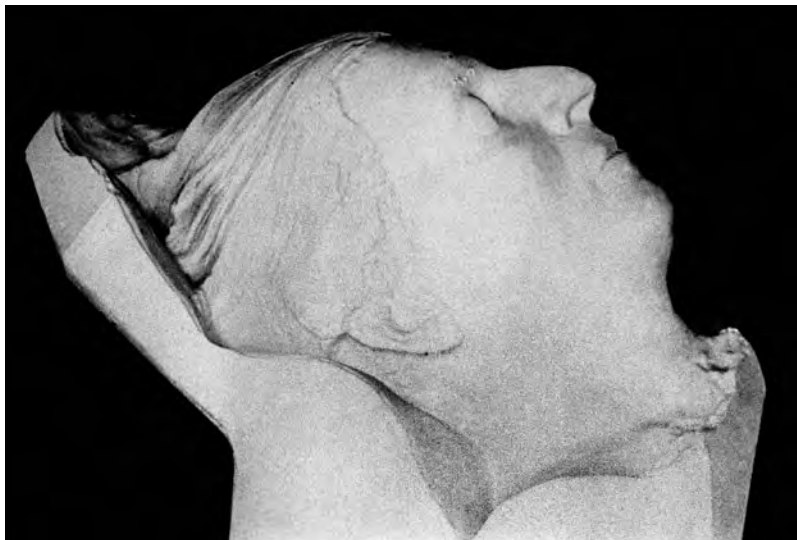
Любопытно, что стихи «Нины Воскресенской» не вошли, – то ли Сторицын не хотел испортить мистификацию, то ли просто выбрал другие.

Всего в альманахах было напечатано двадцать два стихотворения поэта. При жизни Багрицкий ни одно из них не перепечатывал, хоть «Дионис» и «Суворов» были самыми популярными из его стихов в те годы. О «Дионисе» писал Валентин Катаев, о выступлении Багрицкого в конце 1917 – начале 1918 вспоминает Зинаида Шишова:

«И вот появился Багрицкий.

Я увидела его в узком канале между двумя массивами скамей. Он шел накренясь, неся перед собою руку со сведенным пальцем, слабо повторенный сдержанным блеском пола. Чем-то смутно он напоминал парусное судно. Толстый и легкий Ленька Грек приплясывал перед ним. «Это лоцман», – подумала я.

Багрицкий шел громить эстетов. Я это поняла по его решительному виду и по страху, который начался во мне где-то с середины живота.



Посмертная маска Э. Багрицкого работы С. Меркурова

Но не я одна его узнала. Вся аудитория вскочила на ноги. Все закричали:

- Багрицкий!
- «Полководец»!
- «Суворов»!
- Багрицкий!

Это было похоже на клички. Но я уже понимала, что это названия стихов.

- Багриценко, - сказал Ленька Грек, изгибаясь в поклоне, - оставим малюток в покое. Взойдите на эшафот.

Электричества не было в этот день. На кафедре терпеливо потрескивали два огарка. И вот началось:

На кафедру, как леопард,  
Взлетел Багрицкий Эдуард.

- «Полководец»! - опять заорали в публике».



В посмертное издание 1938 года, подготовленное Владимиром Нарбутом, вошло большинство стихов из альманахов. Не были опубликованы «О Полдень», «Креолка», «Движением не смелым», «Мудрец, занявшийся великим мастерством», «Заботливый ключарь угрюмой старины», «Перед отъездом». Четыре последних стихотворения после публикации в альманахах более не перепечатывались.

Из многочисленных изданий Эдуарда Багрицкого шестидесятых-девяностых годов стихи из альманахов наиболее полно представлены в книге «Стихотворения и поэмы» 1987, составленной И.Л. Волгиным (семнадцать стихотворений).

Ровно сто лет назад, 3 октября 1915, один из рецензентов альманаха написал:

«Отдохнем от политики – как вегетарианские столовые приглашают «отдохнем от мяса». «Злобою сердце питаться устало», а ведь согласитесь сами, что, кроме злобы, может посеять в душе современная политика? Неожиданность за неожиданностью, – и все вызывающие, как-то умышленно крикливые, ненужные, нелепые...

Отдохнем от политики! <...> Куда направить стопы? Конечно, к поэзии. К какой? Конечно, к молодой, к творчеству юных поэтов, не раздавленных жизнью вдохновений, несломленной энергии, непрекращающихся порывов. Есть ли такая в наше время? Не знаю, но есть молодые поэты, и, может быть, они дадут отдых от злобы, которою сердце, следящее за политикой, питаться устало» (И. Игнатов «Русские ведомости», 3 октября 1915).

Что же за стихи давали «отдых от злобы»?

## Серебряные трубы

### Газелла

Как хорошо курить гашиш в дыму вечерних комнат,  
Смотреть на влагу скользких крыш из окон смутных комнат.

Старинной вязью написать романс давно забытый,  
Спросить себя: «давно ль ты спишь в дыму вечерних комнат?»

Зажечь фарфоровый фонарь на бронзовой цепочке,  
Завести часы меж темных ниш в дыму вечерних комнат.

Сквозь темно-синий шелк гардин увидеть синий месяц,  
Услышать, как скребется мышь в дыму вечерних комнат.

Узнать, что в городе весна, и очень удивиться,  
Сесть на диван, почуяв тишь в дыму вечерних комнат,

И увидав, что свет поблек в моей янтарной трубке,  
Взять уголек, разжечь гашиш в дыму вечерних комнат.

## Газелла

В твоём алькове спят мечты, и вечер странно долог,  
Не знаю я, придёшь ли ты, как вечер странно долог...

В твоём саду зелёный грот и синего фонтана  
И никнут алые цветы, и вечер странно долог...

Там спит глиняный пастушок с надтреснутой свирелью,  
И над прудом шуршат кусты, и вечер странно долог...

К тебе я плыл из смутных стран на зыбкой каравелле,  
Я видел тусклые порты, где вечер странно долог,

Я был в туманных городах, где на жемчужном небе  
Распяты алые кресты, и вечер странно долог...

Тебе привез я тонкий яд, в кольце под аметистом,  
Его, я знаю, выпьешь ты... и будет вечер долог...

## Авто в облаках

### Перед отъездом

Скучный поэт и любитель серых соловьев,  
Хмурый эстет с вечно раздутой щекою –  
Я не знаю, почему мне так радостно от этих слов,  
Почему я весь день склоняю: Война, войне, войною...

Именительный, родительный, дательный... Все то ж!..  
Всюду она, сероглазая, остросулая и стройная...  
Мухи жужжат безнравственно. За окном приплясывает дождь,  
Лампа на столе задыхается, такая желтая, такая беспокойная...

Посвисти, посвисти, посвисти, соловей на серой стене!..  
Заиграй, поиграй, граммофон, из «Травиаты» арию...  
Мамаша, дай чаю со сливками мне!  
Что, не слышишь, со сливка... Вещи старые... старые...

Придет Анатолий Васильевич или нет,  
Придет ли проститься с поэтом, на войну уезжающим...  
От чьей-то строки в мозгу выжигается след:  
«Господи, прими его душу, так невыразимо страдающую!»

Женщина, зачем ты смотришь в тусклое окно,  
Я поэт, я поэт, я поэт, понимаешь ты?  
И я уезжаю... Мне все равно...  
Я поэт, я поэт... Понимаешь ты?  
**ЖЕНЩИНА!**

(В том же альманахе Фиолетов отвечает приятелю:

## Осень

<...>

Но вдруг, вы понимаете, мне стало забавно:  
Поверьте, у меня голова ходит кругом!..  
Ах, я вспомнил, как совсем недавно  
Простился с лучшим незабываемым другом.

Я подарил ему половую тряпку.  
Очень польщенный, он протянул мне свой хвостик  
И, приподнявши паутиновую шляпку,  
Произнес экспромтно миниатюрный тостик.

Он сказал: «Знаешь, мой милый, я уезжаю,  
Закономерно, что ты со мной расстаешься»...  
Но, тонкий как палец, понял, что я рыдаю  
И шепнул нахмуренно: «Чего ты смеешься?»)

Нина Воскресенская

### Дерибасовская ночью

(Весна)

На грязном небе выбиты лучами  
Зеленые буквы: «Шоколад и какао»,  
И автомобили, как коты с придавленными хвостами,  
Неистово визжат: «Ах, мяу! мяу!»

Черные деревья растрепанными метлами  
Вымели с неба нарумяненные звезды,  
И краснорыжие трамваи, погромохивая мордами,  
По черепам булыжников ползут на роздых.

Гранитные дельфины – разжиревшие мопсы –  
У грязного фонтана захотели пить,

И памятник Пушкина, всунувши в рот папиросу,  
Просит у фонаря: «Позвольте закурить!»

Дегенеративные тучи проносятся низко,  
От женских губ несет копеечными сигарами,  
И месяц повис, как оранжевая сосиска,  
Над мостовой, расчесавшей пробор тротуарами.

Семиэтажный дом с вывесками в охапке,  
Курит уголь, как денди сигару,  
И красноносый фонарь в гимназической шапке  
Подмигивает вывеске – он сегодня в ударе.

На черных озерах маслянистого асфальта  
Рыжие звезды служат ночи мессу...  
Радуйтесь, сутенеры, трубы дома подымайте –  
И у Дерибасовской есть поэтесса!

## Порт

По липким рельсам ползут паровозы,  
Отирая платками дыма вспотевший лоб,  
И луна, как вампир с прогнивающим носом,  
Злорадно усмехаясь, сосет телеграфный столб.  
Внизу визжит, как заржавелый напилочек,  
Нарумяненных женщин хмельной базар,  
Чтоб глаза пьяных матросов наливались сетями жилок,  
И в расхлябанные мозги вонзился пароходный угар.  
У разбитой кормы норвежского брига,  
Где ветер в снастях, как музыкант, чуток,  
Ошалевшие матросы отплясывают джигу,  
Опрокидывая наземь обнаглевших проститутток.  
На луне от фабричного дыма пятна,  
Как на ноздреватом голландском сыре,  
И синеглазому маяку очень неприятно  
Оттого, что он не первый в мире.

## О любителе соловьев

Я в него влюблена,  
А он любит каких-то *соловьев...*  
Он не знает, что не моя вина,  
То, что я в него влюблена  
*Без щелканья, без свиста и даже без слов.*  
Ему трудно понять,  
Как его может полюбить *человек*:  
До сих пор его любили только *соловьи*.  
Милый! Дай мне тебя обнять,  
Увидеть стрелы опущенных век,  
Рассказать о муках любви.  
Я знаю, он меня спросит: «А где твой хвост?  
Где твой клюв? Где у тебя прицеплены крылья?» –  
«Мой милый! *Я не соловей, не славка, не дрозд...*  
Полюби меня – ДЕВУШКУ,  
ПТИЦЕПОДОБНЫЙ  
и  
хилый... Мой милый!»

## Седьмое покрывало

\* \* \*

О кофе сладостный и ты, миндаль сухой!  
На белых столиках расставленные чашки...  
Клетчатая доска и тусклые костяшки –  
Построены в ряды внимательной рукой.

Бог шашечной игры, спокоен и угрюм,  
На локти опершись, за стойкой дремлет немом...  
Какой возвышенной и строгой теоремой  
В табачной радуге занялся вещей ум...

Смотри внимательней, задумчивый игрок,  
Куда направилась рассыпанная стая...  
И вот, коричневый квадрат освобождая,  
Передвигается слепительный кружок!..

\* \* \*

Движением несмелым  
Ночь кутает комнату пряжей.  
В окне потускнелом  
Мелькают огни экипажей...

И вот из-под стали  
Змеєю излиться готово  
В бумажные дали  
Внезапно расцветшее Слово...

\* \* \*

Мудрец, занявшийся великим мастерством,  
Свободный каменщик – он тяжести невольник –  
Он ждет, чтоб засиял священный треугольник  
Над желтым черепом и метким молотком...

Уж море медное влачит свои валы  
К расплавленным валам пылающего Храма,  
Правилу острому и циркулю Хирама  
Слагая всплесками высокие хвалы.

О Псалмопевец, ты в восторгах истожил  
Полет своей души, и в ночь глядишь сурово,  
Но братьям сказано таинственное слово,  
И в брусья тяжкие вонзились зубья пил...

\* \* \*

Заботливый ключарь угрюмой старины,  
Я двери каменной коснулся дерзновенно,  
Где ждут рождения из тайны сокровенной  
На гулком мраморе начертанные сны...

Здесь боги мирно спят в священной простоте,  
Здесь брошены в углах былых трагедий трубы,  
И люди молятся торжественной и грубой  
Из пены каменной рожденной красоте.

Фотографии Сергея Калмыкова  
из коллекции Сергея Лущика

